

было дано через две недели после того, как Петр направил свое послание в Вену к А. П. Веселовскому. Оба документа определенно свидетельствуют, что русский царь на исходе 1715 г. был серьезно занят идеей переводческой деятельности в Праге. Но нет никаких оснований полагать, что истоки ее не восходят к более раннему времени.

При чтении письма А. П. Веселовскому обращает на себя внимание прекрасная осведомленность царя в местных чешских обстоятельствах. Петр не только дает своему агенту вполне четкие указания, куда ехать, с кем и о чем договариваться. Фраза о приславании писцов «из бемчан, из шленцов (т. е. силезцев, — А. М.) или из моравцов» показывала, что Петр отчетливо представлял себе этнический и территориальный состав коронных Чешских земель, включавших тогда собственно Чехию, Моравию и Силезию. Не чувствуется ли во всем этом личная осведомленность царя, опыт, накопленный им от пражских встреч?

То, что в конце 1715 г. Петр I вспоминает о Праге, само по себе не столь уж удивительно. Как раз в эти годы, заполненные бурным государственным строительством, из России посылались ученики в Венецию, Флоренцию, Париж, Лондон, Амстердам и другие зарубежные центры.¹² В числе этих городов стояла и Прага. Здесь, однако, присутствовало то, чего не было и не могло быть во всех других случаях: соображения языковой близости русских и чехов как славян. На этой идее, в сущности, и зиждился весь план Петра I, как мы узнаем о нем из цитировавшегося повеления. Но если это так, то именно воспоминаниями о чешских путешествиях следует объяснить, почему у Петра I возникла мысль вступить в деловые отношения с пражскими иезуитами и, более того, послать в далекую Прагу группу русских людей для обучения и участия в переводах иноземных книг на русский язык. Лишь при этом декабрьское письмо А. П. Веселовскому оказывается мотивированным и с деловой и с психологической стороны.

Сформулировав свои указания в конце 1715 г., Петр I среди многочисленных государственных и военных забот находил время и имел желание уделять внимание переговорам с пражскими иезуитами. Он предписал 11 апреля 1716 г. президенту Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину подобрать для отправки в Прагу в качестве переводчиков «двух добрых латинников» и в помощь им двух-трех «добрых писцов подьячих». Первоначально предполагалось, что в Прагу будет послан кто-либо «из киевских чернцов», но уже 23 мая И. А. Мусин-Пушкин поручил Ф. П. Поликарпову подыскать кандидатов в Славяно-греко-латинской академии. Задача, видимо, оказалась не из простых, и лишь к осени состав группы был определен. В нее вошли переводчики префект Академии Феофил Кролик и Иван Воейков, а с ними драгун Василий Мамышев и ученик притики Максим Суворов. Эта четверка, по донесению Мусина-Пушкина, была в сентябре 1716 г. из Москвы отправлена «через Ригу до Праги».¹³ Несколько позднее к русской колонии присоединились и другие студенты.¹⁴

Русские переводчики были командированы в Прагу «для письма и перевода книг».¹⁵ На основании договоренности с А. П. Веселовским работу группы переводчиков согласился возглавить ректор Ян Либертин.¹⁶ «Дело перевода было организовано так: чешские сотрудники переводили с немецкого на чешский, а русский текст окончательно должны были обрабатывать русские сотрудники».¹⁷ Однако этот весьма сложный план скоро стал обнару-

¹² См.: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 4, стр. 237.

¹³ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ ЦГИА, ф. 736, оп. 1, № 318, л. 2.

¹⁶ Речь идет, вероятно, о звании, так как в действительности ректором Клементинума, по словам А. В. Флоровского, Ян Либертин не являлся, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹⁷ Там же, стр. 441.